

На следующее утро Гарри сидел в Большом зале. Период завтрака в субботу всегда имел дополнительный час, чтобы дать возможность тем, кто хотел воспользоваться выходным днем, чтобы немного поспать. В результате субботним утром толпа рассредоточилась больше, и появилось больше места для локтей. Часть длинного стола Гриффиндора принадлежала ему. Он закончил свой завтрак и кофе и только что отошел от стола. В кармане у него был сморщенный «Молния»; и планировал встретиться со своим главой дома, а затем провести утро в полете.

"Ну, посмотрите, мальчики! Не старый ли это Шрамоголовый". Гарри вздохнул. В школе не было ни одного ученика, который бы не знал, что этот голос принадлежит Драко Малфю, какими бы ни были слова. Он повернулся к Малфю, увидев его вездесущие когорты, Крэбба и Гойла, стоящих по бокам.

— Я вижу, ты снова оправдываешь свое имя. Часть разума Гарри была довольна его отстраненностью. Годом ранее он был бы почти в апоплексическом ударе, не мог ясно мыслить и сконфузился бы. Это будет мой самый легкий бой на этой неделе.

— Конечно, почему бы и нет? У меня есть имя, которым я горжусь, — ответил самодовольный мальчик, самодовольно и ухмыляясь.

— А... я вижу, ты не понимаешь. Позвольте мне помочь вам, Малфой. Очень старое имя, от нормандского — это очень старое французское — *mal fois*, что означает «плохое время». Он мог видеть, что блондин этого не знал. — Подходит, тебе не кажется? Всякий раз, когда Малфой находится в комнате, кому-то плохо?

"Возьми его!" — прорычал Малфой — или, по крайней мере, так он пытался сказать, потянувшись за палочкой, в то время как два головореза двинулись вперед. Ему так и не удалось закончить слова или движения.

Гарри, наоборот, уже двигался — слишком быстро, чтобы увидеть. Он ударил обеими руками, поймав подбородки обоих удобно расположившихся помощников. Они потеряли сознание еще до того, как начали падать, у них были сломаны челюсти. Достаточно скоро после того, как это мало что изменило, его левая нога отлетела к самому Малфю, пригвоздив его к чертям. Малфой бы визжал в позе эмбриона, если бы кто-то не мог болтаться вниз головой за одну ногу.

Вися вниз головой, Малфой был в превосходном положении, чтобы видеть с близкого расстояния, насколько эффективны его телохранители в данный момент — то есть, вообще никакие. Гарри удерживал его от пола за одну лодыжку, используя только одну руку.

— Мне кажется, что мистеру Плохому Времени трудно учиться на жизненном опыте, — сказал ему Гарри. — Давайте узнаем наверняка, ладно? Единственным звуком, который Малфой мог издать, был сдавленный булькающий хныкающий визг. Боль в промежности узурпировала его способность говорить, и ему потребовалась вся его концентрация, чтобы удержаться от рвоты. «Ты, должно быть, очень заботливый, общительный парень, я думаю. Всегда ищешь способы

стать частью моей жизни. Думаю, теперь я понимаю. Ты просто хочешь быть рядом со мной, знать, на что похожа моя жизнь. .

«Вот какой была моя жизнь, Драко. До сих пор шестнадцать лет боли, без перерыва. Шестнадцать лет беспомощности. Шестнадцать лет «несправедливости». твоя каша была слишком холодной, я сломал конечности за то, что осмелился попросить разрешения пойти поспать». Гарри протянул свободную руку и вывернул руку, сломав ее в локте. Малфой издал жалобный, пронзительный крик. «У меня синяки под глазами, соответствующие шраму на голове, и удары в живот, когда я плакала от голода». Гарри ударил перевернувшегося Малфоя в живот, отчего плачущего богатого мальчика вырвало на пол.

Гарри перевернул Малфоя вверх боком, чтобы тот не утонул, и продолжал удерживать его одной рукой, на этот раз закутавшись в мантию надменного юного волшебника. Он все еще говорил нормальным, спокойным тоном; будто говорил о погоде или спрашивал у продавца, что продается.

— Каждый раз, когда ты пытался запугать меня, Малфой, ты обижался или смущался. Верно? Когда ответа не последовало, Гарри ударил его кулаком по голове. «Обрати внимание, задница. Каждый раз ты либо уходил с красным лицом, либо тебе вручали задницу». Еще один сокрушительный удар, сломавший скулу. — И каждый раз ты говорил одно и то же. «Подожди, Поттер!» Панч. «Темный Лорд достанет тебя, Поттер!» " Ударить кулаком. «Я достану тебя в следующий раз, Поттер!» " Ударить кулаком. «Ты не можешь вечно прятаться за грязнокровками, Поттер!» " Ударить кулаком. — От вас воняет глупостью, мистер Малфой. Ваш мелкий, избалованный, детский мозги еще не сообразил, что вы...

«Теперь, когда твое лицо превратилось в мякоть от гамбургера, ты весь в собственной блевотине, а твой довольно невпечатляющий свадебный трюк только что стал еще более неэффективным, чем был, я хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно. Я попытаюсь объяснить. короткими словами. Ты слушаешь, хорек? Одной рукой он встряхнул полубессознательного Малфоя, раскачивая его, как куклу, капая кровью, соплей и рвотой на пол. "Хороший." Гарри позволил какой-то магии собраться перед его глазами. «Оставь меня в покое. Оставь в покое моих друзей. Оставь всех в покое. Никогда не разговаривай в моем присутствии. твоей жизни, здесь или где-нибудь еще...

Небрежно развернув запястье, Гарри швырнул Малфоя через весь Большой Зал в каменную стену, где тот рухнул на землю грудой развалин в пятидесяти трех футах от него.

Λ

Одиннадцать минут спустя, в девять часов, Гарри стоял у двери кабинета профессора МакГонагалл, постучал и понял, что ее там нет.

Через тридцать минут после этого, в девять тридцать, она появилась в конце коридора и направилась к своему кабинету, где все еще ждал Гарри. Он сидел в довольно удобном кресле с подлокотником, его посох был прислонён к стене, и он пролистывал книгу со скоростью

страницы каждые несколько секунд.

Увидев ее, он встал, спрятал книгу под мантию, взял посох и исчез со стула. Минерва заметила, что он не стоял ни воинственно, ни с раскаянием, ни робко, ни даже равнодушно. Он просто стоял, не проявляя никаких эмоций, словно мог ждать так до конца вселенной.

Она боится, понял Гарри. Она видела, что я делал в Большом зале, и боится, что я стану с ней жестоким.

— Доброе утро, профессор МакГонагалл. Он слегка поклонился, зная, что у нее было старое «честное» воспитание, и она это поймет. "Это действительно очень приятно видеть вас снова."

Она остановилась перед ним, на расстоянии вытянутой руки. Она пытается это скрыть, но теперь она беспокоится. «Пожалуйста, не волнуйтесь, профессор. У вас нет причин бояться меня».

Она выпрямилась, почти надменно, и сказала: «Прошло очень много времени с тех пор, как шестнадцатилетний мальчик заставлял меня бояться, мистер Поттер». Красиво, Минерва. На самом деле вы не отрицаете, что боитесь, но вы делаете вид, что отрицаете это. Она продолжала притворяться, пока, открыв дверь, не увидела их обоих, сидящих у камина в ее кабинете.

Они оба несколько мгновений смотрели в огонь холодным ноябрьским утром — она искала способ начать, а он давал ей несколько мгновений, необходимых ей, чтобы собраться с мыслями. Немного погодя вздохнула и начала.

— Мистер Поттер, боюсь, я просто понятия не имею, что с вами делать. Ее взгляд убрал любое жало из слов, которые могли быть там.

Гарри мог сказать, что ее эмоциональная сторона отчаянно хотела врезаться прямо в него на максимальной громкости за то, что он сделал с Малфоем. Ее учительская сторона хотела наказать или сообщить о нем. Но он также мог сказать, что ее интеллектуальная сторона признавала единственный эффективный способ борьбы со школьным хулиганом. Уровень конфликта внутри нее был настолько высок, что она не доверяла себе, чтобы высказаться ни за одну из этих сторон. По крайней мере, еще нет.

Он посмотрел на нее и сказал: «Пожалуйста, зовите меня Гарри?»

— Боюсь, что нет, мистер Поттер, так не пойдет. Я не могу показаться пристрастным к какому-либо студенту, как бы сильно я ни желал. Фаворитизм или неравное обращение просто не годятся; чем любая другая несправедливость».

Гарри вздохнул. Это будет нелегко. — Дамблдор рассказал тебе остальную часть пророчества

обо мне и Волдеморте?

— Нет, — сказала она тихо.

Гарри процитировал ее слово в слово — слова, которые врезались в его душу — без эмоций, без интонации, без акцента.

"Тот, кто обладает силой победить Темного Лорда, приближается... рожденный теми, кто трижды бросил ему вызов, рожденный, когда умирает седьмой месяц... и Темный Лорд отметит его как равного, но у него будет сила Темного Господь не знает... и один из них должен умереть от руки другого, потому что ни один из них не может жить, пока другой выживает... тот, кто обладает силой победить Темного Лорда, родится, когда умрет седьмой месяц..."

Это не заняло много времени. Когда он закончил, она все еще смотрела в огонь, ничего не говоря.

«Теперь, не могли бы вы сказать, что это довольно вопиющее несправедливое обращение? Какая часть этого пророчества содержит столь хваленую справедливость, которую вы ищете?» Он сделал паузу, давая ей время ответить, но она даже не моргнула.

«В прошлом июне, в последний школьный день, эмоции подошли ближе всего к тому, что чуть не убило меня. Знаешь, почему я жив?» Он услышал, как у нее перехватило дыхание, и она остановилась, чтобы не задохнуться в последнюю секунду. «Первые три дня летних каникул я провел, лежа в луже собственной крови и мочи, не в силах пошевелиться, не в силах позвать на помощь и не в силах думать ни о чем, кроме боли. Домашний эльф кормил меня зельями, потому что я не мог доверять целителям.

"Чай?" — спросил он, махнув рукой. Появился небольшой столик с полным чайным сервизом. "Пожалуйста, угощайтесь. Вы знаете, сколько раз я подвергался проклятию Круциатус, профессор?" Он видел, как она вздрогнула. — В том числе и от самого Волдеморта? Еще одно вздрагивание. «Почему я все еще в здравом уме, а родители Невилла терпят, как овощи в больнице Святого Мунго?»

Он говорил так нежно, как умел, очень тихо, почти бормоча. - Я спрашиваю это не для того, чтобы вас расстроить, профессор, а для того, чтобы вы действительно задумались над ответом. Почему родители Невилла в люке, а я все еще в рабочем состоянии? Суть дела в том, что в вообще, волшебники и ведьмы не знают, что такое настоящая боль и как с ней справиться».

Она оживилась. «Подождите минутку, мистер Поттер, я не могу согласиться. Как вы можете это иметь в виду? Со всеми болезненными вещами, которые вы видели в нашем мире, как вы можете говорить такое?»

Гарри все так же мягко ответил: — Я объясню тебе, как я могу говорить такие вещи. Проклятие Круциатус — не самая сильная боль, которую я когда-либо испытывал.

Он видел, как расширились ее глаза, хотя она все еще смотрела на огонь. «Когда волшебник ранен, — сказал он, — он получает волшебные обезболивающие зелья, чтобы уменьшить эффект. Он получает волшебные лечебные зелья, чтобы самые ужасные увечья просто «ушли». Первое, что делает мадам Помфри, первое, что делает» То, что он делает, заключается в том, чтобы накачать вас наркотиками или заколдовать, чтобы бедному волшебнику или ведьме не пришлось страдать от всех этих гадостей.

«Профессор, когда вы случайно обожжете руку, вам будет больно. Так что вы делаете?»

«Положи на него целебную припарку, возможно, какую-нибудь обезболивающую мазь, если она у меня есть», — ответила она.

— И ты делаешь это немедленно, как и любой другой, потому что это больно, как... ну, как будто обожжешься. Верно? Она кивнула, сбитая с толку. «Итак, представьте, что эта боль приближается. А затем подумайте о твердом и твердом знании, что она не исчезнет. Эта обожженная рука будет болеть, как обожженная рука, двадцать четыре часа в сутки, в течение нескольких дней. и боль не исчезнет полностью в течение как минимум двух недель».

Ее лицо медленно расплылось, когда весь ужас от услышанного заполнил ее. — Тогда... хорошо, что делают магглы, когда их обжигают?

«Они обрызгивают его антибиотиками, чтобы предотвратить инфекцию, накрывают его тканью, принимают боль как часть жизни и продолжают заниматься делами. боль.»

— Но это... это варварство! Ты хочешь сказать, что есть миллионы магглов, которые чувствуют такую боль и просто пытаются ее игнорировать? Ее глаза были такими большими, каких Гарри никогда еще не видел.

«Профессор, неужели никто никогда не удосужился узнать о магглах? На Земле шесть миллиардов магглов. Миллиард с буквой «б». Шесть миллиардов живых, думающих, дышащих, чувствующих людей, которые идут по жизни, зная, что если их нога снимается, они не могут просто приклеить его обратно. Люди, для которых двухнедельный период боли из-за ожога руки не имеет большого значения, просто еще один болезненный факт жизни ».

Он позволил ей обдумать это, зная, что новым идеям потребуется некоторое время, чтобы просочиться внутрь. Тем более, что МакГонагалл была пожилой женщиной и довольно твердо придерживалась своих идей. Совершенно нормально и предсказуемо для старших членов любого общества.

«Минуту назад я чуть было не сказал, что боль от ожога так же болезненна, как подоходный налог. Но это не дало бы вам системы отсчета, потому что ваш подоходный налог составляет менее одного процента — это не больно. У большинства продуктивных магглов он есть. -от трети до половины их доходов, отнятых у них силой их правительствами.

«Итак, чтобы продолжить, волшебники не любят боль, они пойдут на все, чтобы не чувствовать ее, и понятия не имеют, как с ней справиться. Сломанные руки у маглов не заживают за два дня, как у меня на втором курсе. В зависимости от того, какой перелом, они чувствуют боль сломанной руки в течение шести месяцев». Она смотрела на него в ужасе, ее рот безмолвно складывался в слова «шесть месяцев».

— Мистер Поттер, какое это имеет отношение к... ну, к...

— Когда ты называешь меня «Гарри»? Он шел перед ней, между ее взглядом и огнем. Схватив свою одежду обеими руками, он потянул и сорвал покрытие с верхней части тела. Ее глаза расширились от ужаса, когда обнажились его шрамы. Десятки багровых шрамов на его бледной коже; большое, маленькое, глубокое, широкое... показывая именно такую кожу, которую можно было бы ожидать на теле мальчика, которого безжалостно поролли в течение 16 лет любым предметом, который попадал в садистскую руку психотического Дурслея.

«Несправедливо, что за одиннадцать лет до того, как я попал в Хогвартс, до того, как вы даже встретились со мной, у меня было сломано двадцать три кости. Несправедливо, что я тот, кто должен отбиваться от этого слюнявого безумца, Волдеморта. Это несправедливо, что Дамблдор приговорил меня к пожизненным физическим и моральным пыткам. Несправедливо, что мир называет меня неуравновешенной гончей славы, когда я пытаюсь их предупредить».

«Несправедливо, что глава «дома храбрых» боится показаться любящим добро и ненавидящим зло. И несправедливо, что единственный взрослый в пределах досягаемости, проявляющий хоть какое-то отношение к тому, что происходит со мной, боится быть моим другом».

Голос Гарри приобрел властный оттенок. Не громко, просто с тембром силы. — Профессор, меня до смерти тошнит от «справедливости» и ложной «справедливости». Теперь я буду заниматься только тем, что правильно, а что нет. Как вы относитесь к делу?

МакГонагалл некоторое время смотрела на него, прежде чем один уголок ее рта приподнялся в удовольствии. — Очень хорошо, мистер... Очень хорошо, Гарри. Это была довольно короткая речь. Вы подготовили ее или это было импровизировано?

«Контент готовился шесть месяцев. Слова были новыми сегодня».

«И есть ли название для этого нового типа мышления? Этот отказ... отказ от вещей, которые большинство считает священными?»

— Это называется «критическое мышление», профессор. Это основа научного метода, и он существовал еще до Архимеда, — ответил Гарри. «Самый простой способ рассмотреть это так: ничего не принимать. Ставить под сомнение все. Особенно «известное».

«Менее чем за двадцать четыре часа, Гарри, ты перевернул большую часть моего мира с ног на голову. Ты напугал многих людей, пристыдил некоторых и разрушил жизни некоторых. Это

твой план?»

«Только нечестные боятся правды». Он сделал паузу, затем продолжил, увидев, что она кивнула. «Профессор, все, что я сказал и сделал с тех пор, как прошлой ночью вернулся в школу, следует разуму — да, включая мое публичное уничтожение Малфоя. За всем, что я сказал и сделал, стояли тщательно определенные причины и цели.

«Недавно я понял, что не могу ожидать, что буду реагировать как ребенок, не рассуждая, подчиняясь диктату эмоций, и ожидать, что буду продолжать жить».

Он отвернулся от нее, взмахнув рукой, чтобы наколдовать чистую одежду, чтобы прикрыться. "А теперь вот что я хотел бы сделать..."

Λ

К полудню Гарри вернулся в Большой зал, чтобы пообедать, приготовленным Добби. Добби сказал, что никому больше не доверяет готовить для Гарри, и Гарри был склонен согласиться. Конечно, в замке все еще были люди, которые желали ему зла - возможно, больше, чем раньше, серьезно подумал он.

Он получил все, о чем просил. Он брал только один курс: Защиту от темных искусств, который для него должен был начаться в понедельник. МакГонагалл предупредила его, что вполне вероятно, что новый профессор будет задавать ему вопросы, чтобы выяснить, на каком уровне он находится в обучении. Гарри это устраивало, и он намеревался представить себя помощником учителя, но не чувствовал необходимости говорить ей об этом.

Что еще более важно, у него была санкция главы дома, заместителя директрисы, проводить свои учебные занятия в Комнате Требований три раза в неделю. По вторникам и четвергам вечером по четыре часа, а после обеда по воскресеньям по пять часов Гарри находился в этой комнате, готовый давать указания и помогать любому, кто заинтересован в защите от Волдеморта и Пожирателей Смерти. Мерлин, похоже на дешевую панк-группу. «Волдеморт и Пожиратели смерти». Это до смешного жалко, подумал он. Я не знаю, что звучит глупее; это или 'SPEW'.

В начале трапезы Гарри сидел в одиночестве в самом дальнем от персонала конце гриффиндорского стола. Невилл вошел довольно рано и спросил: «Не возражаешь, если мы сядем с тобой, Гарри?»

«Пожалуйста, Невилл. Кто мы? А... давай, скажи Джинни, что она тоже может прийти».

Невилл помахал Джинни позади Гарри, который подошел и присоединился к ним. Гарри мог сказать по тому, как они сидели, что оба надеялись что-то сделать, но ни один из них не был готов просто сказать это. Надеясь начать разговор на позитивной ноте, Гарри сказал: — Итак, ребята, что вы делали сегодня утром? Было что-нибудь веселое?

Глаза Невилла расширились, а кончики ушей Джинни слегка покраснели. «Ничего такого веселого, Гарри», сказала Джинни. «Невилл дал мне несколько советов по травологии. В этом году у меня СОВ, и все знают, что он лучший травник Гриффиндора».

Когда процессия началась, Гарри болтал с ними о том, как прошел их учебный год. По одному и по два, Гриффы прошлой ночью приходили к обеду, видели там Гарри и подошли, чтобы извиниться. Почти все они косноязычны, спотыкаясь при извинениях, как будто это было самое трудное, что им когда-либо приходилось делать. Для некоторых из них, возможно, так оно и было.

Ответ Гарри на все был одинаковым. «Спасибо. Если ты придешь завтра в два дня в Комнату Требований, я расскажу тебе историю. Скажи всем, чтобы пришли».

Он также останавливался у столов других факультетов, болтая с некоторыми студентами, говоря им то же самое. Равенкло, Хаффлпафф и даже некоторые слизеринцы. «Если ты действительно хочешь знать, что происходит, приходи. Я принесу закуски и напитки, расскажу историю, и мы сможем немного поболтать».

Гермиона была последней, кто попытался подойти к нему. Она ждала его в коридоре, заламывая руки, и, как только увидела его, заплакала, не в силах даже говорить связно. Гарри взял ее за локоть и вывел наружу. Поскольку в субботу занятий не было, они были не единственными, кто находился на улице в холодный ноябрьский день.

Он наколдовал для нее плащ и сам придвинулся к себе, молча накладывая на них обоих согревающие чары. Некоторое время они молча шли к озеру. Мир вокруг них был серым; зима пасмурная, и все выглядит очень серо. Воздух был холодным и неподвижным, что предвещало снегопад.

Гарри ждал. Предательство Гермионы было тяжелее всего. Прежде чем покинуть платформу в июне прошлого года, он был почти уверен, что влюблен в нее. Теперь он совсем не был уверен. На самом деле, со всем, что он узнал за последние шесть месяцев, восхваляемый интеллект Гермионы Грейнджер вызывал большие сомнения. Ее следующие несколько слов определяют, какими будут их отношения — или даже будут ли они вообще.

Наконец, она справилась со слезами и села на мокрую траву, приюхиваясь. Хотя, возможно, было бы добрее помочь ей, Гарри знал, что это неправильно. Поэтому он просто ждал, глядя на нее.

— Гарри... почему ты ничего не говоришь? она спросила.

Гарри не сказал ни слова, но многозначительно поднял бровь.

«Хорошо, тогда... ты можешь сказать мне, что плохого в том, что я говорю тебе поговорить с Дамблдором? Почему ты все время такой упрямый? Почему мои попытки заставить тебя

выслушать предательство?»

Гарри позволил захлопнуть двери перед своим лицом, подавляя гнев и разочарование. «Ваше высокомерие ослепляет вас. Тем не менее, даже после всего, что вы услышали, вы отказываетесь признать даже малейшую возможность того, что вы что-то напортачили. Ошибка? Ты непревзойденный перекладчик вины, Гермiona. Ты все еще реагируешь, вместо того, чтобы думать. Твои театральные слезы не оправдывают тебя, они осуждают тебя - они так же фальшивы, как и твои слова.

Лицо Гермiony скривилось и снова начало течь, голова тряслась. — Нет, Гарри, я действительно...

«Стоп. Ты пришел ко мне не для того, чтобы открыть свое сердце и попросить прощения. Ты пришел, делая вид, что открываешь свое сердце, а затем напал на моего персонажа в надежде, что тебе станет легче после своего предательства».

— Как ты мог такое сказать? она плакала. "Я просто хотела... Я всегда была..." и она замолчала.

«Всегда был чем? Всегда боролся за олимпийскую золотую медаль в «прыжке в высоту к неправильному заключению»? Ты даже не задал мне никаких реальных вопросов, только обвинения, замаскированные под вопросы. лгать себе Ты не готов.

«Приходи завтра в два часа дня в Комнату Требований. Или нет. На твое усмотрение». С этими словами Гарри ушел.

<http://tl.rulate.ru/book/80319/2440561>